

Олег Янков

Туман

книга вторая

Олег Янков

Туман. Книга вторая

«Издательские решения»

Ярков О.

Туман. Книга вторая / О. Ярков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-907682-3

То, что обещалось как приятная прогулка, стало опаснейшим приключением.
Это именно то, что произошло с героями второй книги.

ISBN 978-5-44-907682-3

© Ярков О.
© Издательские решения

Содержание

Туман 2. начало глава 1	6
Олег Ярков	7
МОСКВА. НЕМНОГИМ РАНЕЕ	9
Пароход «ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ МАРИЯ ПАВЛОВНА»	12
МОСКВА. НЕМНОГИМ РАНЕЕ	15
ПАРОХОД «ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ МАРИЯ ПАВЛОВНА»	18
Туман 2. начало глава 2	20
Олег Ярков	21
Туман 2. начало глава 3	26
Олег Ярков	27
ПАРОХОД «ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ МАРИЯ ПАВЛОВНА»	29
МОСКВА. НЕМНОГИМ РАНЕЕ	31
ПАРОХОД «ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ МАРИЯ ПАВЛОВНА».	34
БАЛАКОВО	
Туман 2. начало глава 4	37
Олег Ярков	38
ПАРОХОД «ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ МАРИЯ ПАВЛОВНА»	41
Туман 2. начало глава 5	44
Олег Ярков	45
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Туман Книга вторая

Олег Ярков

© Олег Ярков, 2018

ISBN 978-5-4490-7682-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Туман 2. начало глава 1

Олег Ярков

Кто-нибудь задумывался хоть раз над тем, чем река отличается от моря? Не в географическом смысле, а в простом, в очевидном и натуральном? Нет? Могу для вашего успокоения сообщить, что вы не одиноки в своей отстранённости от умозрительных размышлений на эту тему, равно как и на подобные ей. Проживая среди заученных формулировок о том, что море солёное, а река, напротив, пресноводна, мы успокаиваемся этим и более не отягощаемся размышлением о сути этого отличия и, вообще-то, вовсе не задаёмся подобным вопросом. Почему же так? А потому, что мы суть рабы устоявшихся правил, на запоминание которых мы истратили только сил, нервов и времени, что переосмысливать их не то, что недосужим считаем, а попросту даже не задумываемся над тем, что об этом возможно размышлять.

Но не все так легко оставляют без присмотра окружающий мир, чтобы не вдумываться в парадоксальность заданного самому себе вопроса и, отыскав не мене парадоксальный ответ, пристроить его во вполне тривиальную ежедневность. Одним из таких философствующих людей был некто, стоящий на верхней палубе большого парохода «ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ МАРИЯ ПАВЛОВНА». Он стоял, слегка свесившись за перила и, почти не мигая, глядел вниз. Исключительно на воду.

Уже предчувствую ваш вопрос – почему не мигая? Неужто вы об этом спросите?! Да-а, никак не ожидал от вас подобного, не ожидал. Да потому, что в момент поднятия верхнего века наблюдателю становилось видно гораздо более того, на чём, до этого, был сосредоточен взгляд этого некто. Понятно? Нет? Если человек, стоящий у перил, смотрел исключительно на воду и не видел никакой разницы промеж морем и рекой, то при моргании в поле прямой видимости обязательно показался бы берег, самым своим существованием демонстрирующий нелепость заданного вопроса. А ежели берега не видать, то вопрос имеет право на бытие и, уж тем более, на философский подход к его разрешению. Так-то, милостивые государи!

Однако же, опасаясь, что повествование может так же легко уйти в сторону, как и мысли, рождающиеся в голове этого некто, любующегося водой, принудим нашу историю двигаться плавно и целенамеренно как река, вдоль берегов, которой, шёл пароход.

Надобно ли говорить о том, что этот глубокомысленный некто был нашим давним знакомым? Судя по всему – надо, поскольку однажды вы уже задавали простоватый вопросец о моргании. А посему представляю вашей милости этого человека – Ляцких Кирилла Антонович, помещик Тамбовской губернии. И прочая, и прочая, и прочая.

Кирилла Антонович изводил себя мучительнейшим вопросом не из праздного любопытства, а исключительно из-за состояния своего организма, скверно переносящего долгое нахождение на воде. И в данной связи пароход или, даже, вёсельная прогулочная лодка, были одинаково плохо переносимы сугубо «сухопутным» помещиком. Нет, до опустошения желудка, слава Богу, дело не доходило, однако и не позволяло вести себя так же беззаботно, как и остальные пассажиры, совершавшие речную прогулку на пароходе по Волге из Самары до Царицына. Или, если угодно, до Волгограда. Вдоль всего пути в 741 версту случались швартовки у более-менее приличных пристаней.

Именно во времена этих остановок Кирилла Антонович приходил в себя настолько, что обретал новые силы, заставляющие его ноги вновь ступать на трап парохода. Впрочем, там же на трапе, обретенные силы его разом и покидали.

И только глубокое философствование позволяло помещику хоть как-то отвлекаться от утомительного созерцания своего утомленного организма. Чем, собственно говоря, и был занят Кирилла Антонович в тот самый миг, когда мы решили обратить на него своё внимание.

А что же заставило Кириллу Антоновича отправиться в столь болезненное путешествие? Нет, совсем не желание получить новые ощущения, отличные от наскучивших помещичьих будней. Тогда, что? Не догадаетесь, даже побившись об заклад! И пока вы не спустили деньги в заранее обречённом на проигрыш пари, я вам скажу – шпионское приключение! Ну, каково вам подобное известие?! То-то! А я истинно вам говорю – шпионское при-клю-че-ни-е! Хотя, справедливости ради стоит сказать – не приключение, а задание. Но на момент, когда началось наше повествование, слова «приключение» и «задание» ещё не имели существенной разницы для помещика. Пока не имели. Имело лишь значение скверное состояние организма, с которым Кирилла Антонович боролся с помощью философского вопроса и неотрывного глядения на воду с правого борта парохода. Нет, с левого... или, всё же с правого? С того борта, на котором не крутилось гребное колесо. Да, и не важно, какой борт, каким считается при постоянной тошноте. И не важно, какой смысл заложен в словах «леер», «клотик» и «румпель». Хотя – нет. Румпель – это правильное название формы носа у тощей немки с зонтиком, одновременно являющейся женой престарелого бюргера, занимавших каюту по соседству с Кириллой Антоновичем.

– Господи! Ну, причём тут «румпель» и нос? – подумал про себя помещик. – Как же мне скверно, а? Как же скверно!

Наверное, есть такие люди, которые подмечали странную особенность в манере развития событий, внутри которых эти люди оказывались. На первых порах новое предприятие видится легким, понятным и, что самое странное, вполне выполнимым. Однако же, эти первые пары так стремительно улечиваются, превращая туманную и лёгкую простоту в ясно различимую сложность, изобилующую многообразием острых углов и, не менее ясно различимых, тупиков.

Кстати, именно эту мысль и породил мозг Кириллы Антоновича сразу же, как он проговорил про себя о том, что ему скверно.

МОСКВА. НЕМНОГИМ РАНЕЕ

А как, в действительности, развивались события, так успешно видоизменившиеся из простых и понятных, в скверные по телесному состоянию, и более непредсказуемые, по сути?

А развивались они следующим образом. Легко и не вполне обдуманно приняв приглашение Александра Игнатьевича Толмачёва, содержащееся в письме, написанном на гербовой бумаге, и доставленным с нарочным в имение господина Ляцких, добрые друзья, а это сам Кирилла Антонович и его сосед штаб-ротмистр Краузе Модест Павлович, отправились в Москву. Куда, собственно, и прибыли.

На вокзале, делая честь пригласившему друзей надворному советнику, помещики были встречены человеком в штатском платье, однако с хорошо приметной военной выправкой, который и проводил их в небольшую гостиницу в Толмачёвом переулке. Позднее Кирилла Антонович сочтёт весьма символичным «двойное Толмачёвство», встретившееся им в Москве. Но это будет намного позднее.

Переодевшись с дороги и освежившись (хотя порядок сих действий был иным), господа Ляцких и Краузе отправились на пешую прогулку. Целью прогулки была ресторация, в которой должна была состояться встреча с господином Толмачёвым.

По мнению встретившего их чина (а в этом помещики ни секунды не сомневались, ничуть не поддавшись соблазну принять одного за гражданское лицо из-за его штатского платья), найти нужную ресторацию было делом не сложным.

– Вам следует пройти несколько улиц и свернуть... – встречающий достал из брючного кармана сложенный вдвое листок плотной бумаги, развернул его и, указывая мизинцем, который совершенно не гнулся, на синие точки на плане, начертанном от руки, – вот тут, и тут.

– Простите, вы в кавалерии служили? – Невпопад спросил Модест Павлович.

– Крестиком обозначено место, куда вам следует идти. Это ресторан «Крым». Вы его легко узнаете по тому, как он, мягко говоря, окрашен. А что?

Последнее «А что?» упёрлось, словно выставленным пальцем в Модеста Павловича.

– Вы близко знакомы с саблей. Я прав?

Встречающий (кстати сказать, не сделавший попыток представиться), поспешно убрал руки за спину. Повременив с ответом несколько секунд, он покачал головой, словно беседуя с самим собой, при этом, с чем-то сказанным самому себе, совершенно не соглашаясь. Однако тут же приоткрыл рот, собираясь что-то сказать, но... Он только опустил голову, снова покачал ею и произнёс совсем не то, что ожидал от него услышать Модест Павлович и, что было особенно заметно, не то, что ему самому хотелось сказать.

– Вас там встретят, – ровным голосом произнёс встречающий, и откланялся.

Предложенный маршрут помещики прошли довольно скоро. Изредка переговариваясь и обращая внимание своего спутника на какую-либо вывеску, часть фасада или иную какую мелочь, друзья в разговоре старательно не касались манер в поведении и в разговоре своего недавнего знакомого. Знакомого, который, тем не менее, остался незнакомцем, не соизволившим представиться. Хотя обоим было интересно, отчего же он так поступил?

Отмеченную крестиком на карте ресторацию «Крым» и вправду узнали легко. В таком большом и важном городе, как Москва, подобная фасадная живопись могла быть названа «современной», или «дерзкой». Впрочем, многие вещи сомнительного свойства приобрели в подобных городах совсем иное толкование, более оправдательно-артистическое, нежели то, на какое они, в действительности, заслуживали. Кирилла Антонович, не оставивший привычку смягчать в речевом выражении настоящую остроту своей мысли, определил бы этот фасад, как «необдуманно окрашенный плохо гармонирующими колерами – мертвенно-синим и серо-белым. А в мыслях окрестил сие буйство малярно-архитектурного зодчества, как «вульгарную безвкусицу». Хотя, наверное, людям, которые придут на землю лет, эдак, через 150 – 200, эти оба выражения, и мысленное, и словами высказанное, не покажутся жёсткими, либо резкими. Если к тому времени вообще кто-нибудь будет понимать смысл этих слов или, что намного хуже, будет их вообще помнить.

Модест Павлович, остановившийся, словно конь, налетевший на невидимую преграду, при виде этой раскраски стен только и смог промолвить.

– Хорошо, что идти пришлось не долго....

Договорить штаб-ротмистру не довелось. Он всем своим видом постарался обратить внимание Кириллы Антоновича на массивную вывеску со словом «Крым», написанную той же самой синей темперой по серовато-белёсому полю. Однако не эстетическое несовершенство вывески обеспокоило Модеста Павловича, а то, что она, по мнению штаб-ротмистра, опасно закачалась в тот момент, когда помещик потянул на себя ручку входной двери. Но в тот день судьба благоволила обоим, а посему – обошлось.

Выбрав для себя пустой столик в зале, оказавшимся, в отличие от фасада, довольно милым и, однозначно, продуманным при использовании цветовых гамм, друзья тут же были услужливо уведолены о том, что этот столик уж заказан другими господами, являющимися постоянными посетителями.

Сие уведомление прозвучало от стоящего рядом с помещиками молодого человека с расползающимся, из-за непослушных рыжих вихров, пробором посередине головы. Растянув, не менее рыжее от конопушек лицо в привычной, от ежечасного использования, улыбке и голосом, показавшимся соседям-помещикам, не менее рыжим, чем остальной облик ресторанный работник, молодой человек сообщил, что господам надлежит перейти в отдельный кабинет.

Не обращая внимания на недоумение, ярко осветившее лица Кириллы Антоновича и Модеста Павловича, рыжеволосый добавил, что «стол для господ уже накрыт и отсервирован, а их знакомец присутствовать изволят ранее». Насладившись впечатлением, произведённым своими последними словами, молодой человек указал рукой на дверь, в которую господам следовало пройти. Затем он с удовольствием стёр улыбку с рыжего лица и отбыл к стойке с бутылками и стаканами.

– Москва... – произнёс Модест Павлович, и первым шагнул к двери.

Пароход «ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ МАРИЯ ПАВЛОВНА»

Оторвав от точек соприкосновения одновременно две вещи – взгляд от воды, а себя от перил (по-морскому – леера), Кирилл Антонович уныло побрёл по палубе, обходя по левую руку остеклённую кают-компанию и, держа одноимённую руку наизготовку, дабы иметь возможность моментально обрести ею точку опоры для своего многострадательного тела в момент возможной бортовой качки. И, хотя, река была спокойна, и никакой качки не предвиделось, помещик счёл не лишним совершать передвижение в сторону своей каюты именно в такой позиции тела.

Состояние Кириллы Антоновича не улучшилось, а даже наоборот, когда из своей каюты, расположенной рядом с каютой помещика, вышагнула худющая и длинноносая жена бюрогера, совершенно счастливая от того, что путешествует пароходом по реке.

Увидев походку Кириллы Антоновича, и исполненное болезненной тоской его лицо, эта немка, кстати, Магда Теофил Эрнест Шенке, заговорила довольно приятным голосом, обращаясь к помещику.

– Уммёглихь! Майн Готт! Зи зеер кранк! Ви понимать мне? Дас ист зеер шлехт! Надо лежать, а не... топ-топ, как ви, понимать? Надо чай с лимон и мокро на голова... это...

– Полотенце?

– Я, я! Полотенце! Их бин сказать стюард про ваш... кранк... э-э... болеть! Идите в каюта унд лежать. Я прислать стюард, хорошо? Их шнелле... ходить.

Указав себе направление движения собственным носом, немка, она же Магда Шенке, унеслась по коридору, обдав Кириллу Антоновича воздушной волной.

– Может статься, что она и права. Попробую прилечь. Возможно ли такое, что это ужасное плавание закончится тогда, когда я ещё буду жив? Не верится, совершеннейшим образом не верится!

Причитая подробным образом, и жалея себя изо всех, оставшихся в его распоряжении, помещичьих сил, Кирилл Антонович проник в свою каюту. Хотя, слово «проник», было выбрано как самое толковое для определения способа попадания в отдельное помещение с кроватью, на которой он приляжет с «мокро на голову» полотенце. До следующей стоянки, большого Волжского города Балаково, оставалось пять часов. Господи, целых пять вечностей!!!

– Битте, э-э... пить! Бальд... скоро порт, вам выйти на... эрде... земля.

Стук в дверь вытащил Кириллу Антоновича из дремотной трясины, в которую он провалился, едва опустил голову на подушку. Не испытывая ни капли облегчения от нахождения на кровати, помещик встал (ладно, оставим слово «встал», хотя явно напрашивается иное слово), и отворил дверь.

На пороге стояла всё та же немка, цепко держащая за локоть официанта. Тот, в свою очередь, держал в руках поднос, на котором красовался стакан, одетый в красивый подстаканник.

– Да-да-да, выйти на землю. Спасибо, фрау Шенке, спасибо и данке! Любезный, поставь чай на стол. Да, и тебе спасибо!

Довольная собой немка собралась удалиться, пристроившись в кильватере (Господи! Всего ничего на этом пароходе, а уж сколько морских словечек понавыучивал!) у официанта. Однако возня с расстановкой чая на столе, и манипуляция с нарезанием лимона были поняты длинноносой фрау по-своему, и она быстро ретировалась.

– Вот и хорошо, – сказал официант, доставая какой-то порошок из жилетного кармана. —Господин Ляцких, примите немедля, запейте чаем и полежите минут тридцать. Скоро Балаково, а вам надобно быть в форме. На борт поднимутся новые пассажиры, среди которых, может статься, окажутся те, на кого вам следует обратить внимание.

– Простите, любезный, а вы... кто?

– Яков. Просто Яков.

– Вы от....

– Да. Я – от. Имен называть не надо. Ежели случится нечто срочное, или, ваш взгляд, архиважное, закажите мне... хоть чай с лимоном. Я буду знать, что у вас есть надобность в разговоре со мной. Хорошо?

– Непременно так и поступлю. А скажите, нас уж двое на корабле?

– На пароходе. Нет, есть ещё наши люди, но вам их знать пока не надо. Прилягте, отдохните, а мне – пора. Не гоже официанту так долго быть в каюте пассажиров.

Забрав поднос, Яков удалился.

– Что происходит такого, о чём мне не сказал господин Толмачёв? Я же должен быть один на пароходе, а, поди ж ты, тут целый отряд! Получается, что это не такое уж простое дело? Теперь понятен скепсис Модеста Павловича, говорившего, что то, что просто и мягко устелено, может оказаться не самым приятным приключением.

Кирилл Антонович умышленно искажил слова штаб-ротмистра, поскольку она, вышеупомянутая фраза, в оригинале содержала слишком уж мрачное слово.

Мельком взглянув на циферблат карманных часов, помещик сразу определил, что до стоянки в Балаково осталось немногим более трёх часов и, значит, могут начаться события, из-за которых Кирилл Антонович попал на пароход «ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ МАРИЯ ПАВЛОВНА», принадлежавший Волжской речной компании «Самолёт».

Утопив часы в жилетном кармане, помещик поглядел на себя в зеркало. Поворотив отражение то одним, то иным боком, благодушно отметил, что отражению даже очень понравился оригинал, стоящий перед зеркалом.

– И я хорош, и порошок хорош! И настроение хорошее! Спасибо, любезный Яков! Премного, так сказать, благодарствую.

Проведя пару раз по раздвоенному шраму на правой щеке, и уложив щёткой растрепавшиеся волосы, Кирилла Антонович проговорил, обращаясь к самому себе.

– Вот, вряд ли шрам меня портит, очень, даже, вряд ли. А порошок, принесённый Яковом, действительно меня исцелил. Я уж и скучать начал по такому отменному расположению душевного и телесного состояния. Отменное снадобье, Яков, право слово, отменное! Надо бы запас сделать этих порошков, до Царицына ещё долго. Ну, что же, дорогой мой Кирилла Антонович, скоро пристань, а значит, начнётся приключение. И тогда, как говаривал Модест Павлович – шашки к бою! Вперёд, на палубу!

МОСКВА. НЕМНОГИМ РАНЕЕ

– А теперь, с вашего позволения, я перейду к самому делу, разрешение которого потребовало вашего присутствия в Москве. Выражая вам свою признательность за согласие принять участие в сём не простом предприятии, я вынужден сей же час рассказать вам о двух вещах, непременно возникающих перед посвящением в некие подробности. Во-первых, своим согласием прибыть сюда вы дали мне надежду на то, что у меня появились два помощника, сколь честных и порядочных, столь и храбрых, что очень немаловажно, учитывая, что дело сие настолько сложно, настолько и щекотливое. Не стану скрывать, что имею в своём распоряжении достаточно подчинённых, готовых выполнить то, что я осмеливаюсь вам предложить. Однако, вы обладаете некими качествами, проявляющимися в определённый момент, какими, к сожалению, не обладают мои подчинённые, демонстрирующие завидное рвение при исполнении своих обязанностей. Помимо этого, ваш взгляд на происходящее вокруг, заставляет меня признать, что ваша суммарная способность принимать решения на основе одних лишь догадок, и догадываться о чьих-то решениях и поступках не иначе, как основываясь лишь на умозрительных предположениях, заранее обрекает на успех любое дело, в котором вы согласитесь участвовать.

Кирилла Антонович резво продемонстрировал свою способность краснеть от смущения, что наглядно указало его собеседнику на честную и, немного по-детски, наивно-трогательную душевную конструкцию. Возможно ли такое, чтобы Кирилла Антонович, сам прочувствовавший прилив крови к лицу, списал бы увиденный конфуз на его лице за невыгодность освещения, или на то, что сие им померщилось? Ну, что ж, возможно, однако Л-образный шрам предательски стал выделяться очень светлой отметиной на порозовевшей коже. А по сему, следует правдиво отметить, что лесть, господина Толмачёва, попала в цель.

Иначе, совершеннейшим образом иначе, воспринял вступительные слова Модест Павлович. В первую голову ему, как человеку военному и привыкшему к ясному способу изложения приказов... простите, мысли, показались несколько далёкими от понимания недосказанности, избыточные в словах Александра Игнатьевича. Более, чем следовало бы, надворный советник изрекал пустозвонные, по сугубому мнению штаб-ротмистра, слова типа «некие качества», «в определённый момент» и «умозрительные предположения». Ничего определённого, как, снова-таки, показалось Модесту Павловичу, господин Толмачёв и не собирался говорить, за исключением одного – ловко сплести словесный сачок, коим можно было бы поймать Кириллу Антоновича, так увлечённо внимающего сим лестным увещаниям. Ежели так пойдёт и впредь, то очень просто помещик Ляцких согласится подписать кровью любой контракт, подсунутый льстецом Толмачёвым. Однако, следует малость погодить, пока советник не посвятит нас во вторую подробностью Слава Богу, что из нас двоих, – продолжил беседу с самим собой штаб-ротмистр, – я не так уж подвержен подобной словесной обработке, как Кирилла Антонович. Итак, господин советник, что у вас на второе?

– Теперь последует вторая часть моего вступления, – ровным, и каким-то безразличным голосом, произнёс Александр Игнатьевич. Но, при этом, совершенно не безразличными глазами он поглядел на господина Краузе.

– Неужто он меня услышал? – Пронеслось в голове Модеста Павловича. От такого непонятного поворота событий краска залила и лицо штаб-ротмистра. Что и говорить, такие вот ведевили сотворяет тело человеческое по своему произволу с двумя, ещё не старыми дру-

зьями – заставляет их краснеть лицом, словно молоденьких гимназисток перед строгим преподавателем. Но, соблюдая строгость повествования, надобно отметить, что на появление румянца на лице, у каждого была своя причина.

– Дело, ради которого я пригласил вас, господа, носит действительно щекотливый характер. Однако, имеет место и драматизм. Я сказал бы – достаточный трагизм. Всё дело закручено вокруг трёх смертоубийств, случившихся в прошлом 1886 году и, к сожалению, уже и в этом. Резонанс этого дела таков, что я склонен подозревать проявление новых преступлений криминального характера, направленных супротив основ самой Империи. Доказательств, улик, подозрений и мотивов с лихвой хватает на то, дабы пребывать в полной уверенности, что случившееся в эти два года есть сознательным деянием неких лиц, а не актом самоубийств, как может показаться на первый взгляд. К несчастью, я склонен думать о новом, не менее масштабном преступлении, которое может быть содеяно так же необъяснимо, как и три предыдущих. Итак. Имеются в наличии две тайны.

Александр Игнатьевич встал из-за стола и, обойдя непонятно по какой причине стоящую тут кадку с геранью, подошёл к окну.

Советник поцарапал ногтём по стеклу, словно очищая его и, одновременно, раздумывая. Найдя правильные слова для продолжения своей речи, он вытер белым платком палец, старательно очистил ноготь и, повернувшись к столу, продолжил.

– Первая состоит в том, что все материалы по произошедшему... – снова что-то удерживало советника от откровенности. Наконец, это самое «что-то», было преодолено. – По трём убийствам, строго засекречены. Представьте, засекречены даже для чинов министерства внутренних дел. Они пребывают в счастливой уверенности в том, что эти три смертоубийства суть самоубийства. В подобном заблуждении я их разуверять не стану. Вторая тайна состоит в том, что в качестве подозреваемых мы имеем несколько лиц, которым ничего не можем предъявить. Им просто нечего предъявлять! Мы могли бы просто следить за этими лицами в ожидании случая, когда они совершат какую-то оплошность в своих действиях. Однако же, я не могу надеяться на то, что подобная роскошь, как ожидаемый промах, вообще случится. А вот жертвы, ежели их рассматривать в совокупности прижизненных деяний, занимаемых должностей и особенностей карьеры каждого, дают, на мой взгляд, очевидное направление, указывающее на следующую жертву. А вот тогда, если им будет сопутствовать удача, трагедии, или драмы предшествующих убийств не будет. Будет катастрофа!

Что-то невообразимо тяжёлое и, даже, физически ощутимое, навалилось на друзей-помещиков. Они замерли сидя за столом, причём, не успев завершить жест, в момент исполнения которого их застали последние слова господина Толмачёва.

Кирилл Антонович замер, поправляя салфетку, прикрывавшую его манишку, а Модест Павлович успел лишь на самую малость сделать надрез на куриной грудке. И только звук дыхания отличал их от обычных кукол, которых частенько показывали в вертепе на ярмарке в Нижнем.

– И последнее. Ежели именно сейчас вы встанете и удалитесь, я смогу вас понять и не осуждать. Однако, оставшись, у вас не будет обратного пути. Слишком велика тайна этого дела. Слишком велика для того, чтобы посвящать в нее сомневающимся людей. Слишком велика для того, чтобы позволять носить её людям, не полностью отдающим себе отчёт

в последствиях, который ожидает любого сомневающегося в правильности присовокупления к числу носителей ея. Ежели вы согласны, то обратной дороги у вас не будет. Ежели вы сомневаетесь... ну, что же, был рад вас видеть. Ваше здоровье!

ПАРОХОД «ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ МАРИЯ ПАВЛОВНА»

Хорошее настроение уже само дало команду руке потянуться к латунной дверной ручке, а лёгким наполниться воздухом не только для полного вздоха, а и для того, чтобы сама собой запелась простенькая мелодия на не совсем обычные слова.

– Уммёглихь, уммёглихь, ди кляйне фёгель....

С той же молниеносностью, с какой доброе самочувствие заставило Кириллу Антоновича двигаться и петь, плохое предчувствие, навалившееся на помещика откуда-то сзади, со стороны иллюминатора, оборвало песенку и усадило на кровать.

– Ай, поди ж ты, Господи, как же так-то, а? Что же я так плошаю? Ведь велено мне было глядеть по сторонам зорко, и с недоверчивостью относиться к пассажирам?! Ну, как же я так, а? Песней, видишь ли, увлёкся! «Уммёглихь»... это, насколько я припоминаю, переводится, как «невозможно». Что именно невозможно? Кому невозможно? Мне? Или ей? Что означает это восклицание?

Кирилла Антонович снова подошёл... нет, скорее проворно допрыгнул до двери каюты, распахнул её и оценивающе оглядел коридор.

– Так-так-так, от моей каюты до лестницы, нет, тут она прозвана трапом, так до лестницы... и чёрт с ней и с её названием! До трапа, примерно... две, три четыре... ну... пусть будет шесть саженей. Я был на какой-то из последних ступеней, когда выбежала эта самая фрау Шенке. Словно знала, что я иду. Словно знала... а как она могла узнать? Услыхала мои шаги? Нет, тут не так уж тихо, чтобы всё подробно расслышать. Возможно, именно в этот момент она просто выходила из каюты, чтобы прогуляться по палубе? Возможно, но отчего она не взяла с собой зонтик? Ранее она всегда встречалась мне при полной, так сказать, экипировке, а сегодня – без него. Солнце яркое, погода прекрасная, скоро можно будет сойти на берег, а она не... не... укомплектована. И ещё. Она передвигается по палубе степенно, я сказал бы – размеренно. Однако тут – словно фурия выскочила из каюты и довольно громко заговорила, что я «кранк»... да-да, болен, И откуда, хотелось бы мне знать, появилась такая настойчивость – увести меня в каюту и уложить в кровать? И, опять-таки, отчего она так громко говорила? Уммёглихь... не-воз-мож-но. Знаете ли, это очень похоже на пароль. Нет, не на пароль, а на какой-то знак! Она кого-то громко предупредила о чём-то, произнося слово, не соотносящееся с действительностью. Право слово – это знак! Только кому? И почему она так поспешно вышла из каюты мне на встречу? А, возможно, и её кто-то предупредил о том, что я иду? Так-так, спокойно, дорогой Кирилла Антонович, спокойно! Давай продвигаться вперёд помаленьку. Я спускаюсь по... этому... трапу, и моё присутствие именно в этот момент и на этой палубе нежелательно. Логика есть? Пока – да. Далее. Она вышла не из моей каюты – получается, что не я, и не мои вещи её интересовали. Идём дальше. Почему она выскочила мне на встречу? Второпях выскочила. Именно, что второпях, при этом стараясь показать всем своим видом, что оказалась на палубе совершенно случайно. Ежели предположить, что я – не цель для неё, или для них, то я – помеха. Хорошо, логика, пока, не страдает. А как, хочу знать, люди узнают о помехе в таком тайном деле? Даже очень просто – предупреждают! Великолепно, дорогой Кирилла Антонович, великолепно умозаключение! Наши каюты рядом, сле-

довательно, окна, то есть иллюминаторы, также выходя на одну сторону – на прогулочную палубу. А было ли видно меня, когда я спускался с верхней палубы? Даже очень превосходно видно! Вот и выходит, что её предупредили... да, хоть стуком в иллюминаторное стекло. Идём-идём дальше, не останавливаемся на мелочах. Услышав вероятный стук в стекло, или увидав иной сигнал, дающий ей понять, кто именно идёт в её, или в их сторону, она предпринимает отчаянную попытку удалить меня из коридора. Для чего? Для того, дабы я ничего не увидел или, чего паче, не услышал такого, чего мне не видеть и не слышать не надобно. И, удаляя меня из коридора, она предупреждает кого-то этим неуместным словом «невозможно»! Тогда, не менее логичным окажется проистекающий из моих рассуждений вопрос – а что делал тот, или те, кого она предупреждала? Что они делали именно в сей момент? Жаль, но ничего в голову не приходит. Наверняка можно утверждать лишь одно – действия её сообщников происходили не в моей каюте. И, как ни странно, не в её. А где? Каюты по другую сторону коридора, супротив наших кают, заселённых, пока пустуют. Очень, даже, мне кажется вероятным, что их заселят пассажиры, купившие билет на посадку в городах, в которых мы будем останавливаться. А кто эти пассажиры? Вдруг те, о коих предупреждал Александр Игнатьевич? Батюшки! Ужель эта носатая немка, со своим мужем-бюргером, замыслила худое против будущих пассажиров? Предупредить бы их.... Хорошенькое дельце – предупредить! Кого именно? И как? Не стану же я, в самом-то деле, прямо на пристани останавливать каждого поднимающегося по трапу? Господи, что же делать, а? Согласился помочь господину Толмачёву, а помощи от меня, как от дитя малого.... Почему от меня мало помощи? Напротив, даже очень премного! Пойду-ка я испить чаю с лимоном! Теперь и у меня есть секретное слово для моего сообщника Якова! Вот с кем надобно побеседовать! Уж он-то, оставшись на пароходе на время стоянки, сможет разузнать по более моего. Решено, так и поступлю!

Кирилл Антонович снова поднялся на ноги. Более придирчиво, чем в предыдущий раз, он взгляделся в своё отражение, стараясь придать отражённому лицу более беспечное выражение. Всё сошло бы ладно, кабы не шрам на правой щеке, предательски резко проступивший на порозовевшем от возбуждения лице. Отметив подобную особенность своего организма, а именно краснеть, Кирилл Антонович произнёс, обращаясь исключительно к своему отражению.

– Да-с, милостивый государь, по всему видать, не быть вам карточным шулером, у вас всё на лице отображено – и волнение, и увлечение и страсть. Но ничего плохого я в этом не усматриваю. Кроме одного – полнейшего отсутствия хладнокровия, кое так присуще моему другу Модесту Павловичу. Кстати, когда я увижусь с ним?

Туман 2. начало глава 2

Олег Ярков

МОСКВА. НЕМНОГИМ РАНЕЕ.

Александр Игнатьевич Толмачёв прекрасно держал речь. Обладая приятным тембром голоса, он умело применял в нужных местах то пиано, то глиссандо, усиливая смысловой акцент важных, по его мнению, слов. Не гнушался он и крещендо, модулируя произносимые звуки на два, три, а случалось и на четыре тона в пределах одного только слова! Надобно ли говорить о том, что внимание помещиков целиком было поглощено рассказом, производившимся в подобной акустической аранжировке.

– Дело, милостивые государи, которым предстоит нам заняться, не имеет ничего общего с тем, что изучает криминалистическая наука. При наличии преступления, в его самой очевидности, я не могу выделить так называемый «корпус деликти», определить необходимые составляющие, позволившие мне дать нужную классификацию сему... сему случившемуся деянию. Кроме этого, определённая, но вполне аргументированная секретность, покрывающая все детали событий, о которых я скажу ниже, неким образом связывает мне руки, делая невозможным приглашение специалистов по розыскному делу. Однако, спешу заметить, что приглашение вас, господа, принять коллегиальное участие в этом деле, вызвано отнюдь не безысходностью, а напротив, желанием получить помощь от людей не зашоренных службой супротив преступных сообществ, всё более расплзающихся по России на волне мнимого свободомыслия и псевдо-народнических устремлений. Прошу вас сказанное мною не считать за лесть, а принять как моё личное мнение, полученное вследствие общения с вами.

Лёгкий поклон, предназначавшийся обоим помещикам, был ещё и сигналом того, что обязательная преамбула была успешно доведена до финала. Логическое построение предложений и, всё-таки, имевшая место лесть, были благосклонно поняты и приняты Кириллой Антоновичем и Модестом Павловичем. Между этими тремя людьми возникла аура понимания, уважения и доверительности.

– Теперь о главном. Аркадий Аркадьевич Бабаев, действительный статский советник, кавалер Анны второй степени. Без малого семь лет руководил департаментом транспорта и путей сообщения. Последние два года возглавлял отдел коллегии инженерных разработок на железнодорожном транспорте. Основные его разработки, получившие наиболее широкую огласку, состоят в том, что смена колёсных пар с широкого просвета российских дорог на более узкую европейскую колею, происходил без долгих задержек по времени, и полностью исключала дополнительные маневровые пути в депо для смены этих самых колёсных пар. Вторая идея, достаточно специфическая, заключалась в том, что специально подготовленный состав мог самостоятельно прокладывать рельсы для собственного продвижения. Эта прокладка осуществлялась полностью механическим способом. Весь необходимый набор агрегатов для подобной работы находился в первых двух вагонах, а в двух последних находились механического типа приспособления, которые снимали те самые рельсы. Надеюсь, вам понятен подробный принцип работы в моём изложении? На одних и тех же рельсах состав мог передвигаться по любому ландшафту. Ну, практически по любому. Это первое преимущество разрабатываемой идеи – между первой и последней парой механизированных вагонов могли находиться до десяти, а то и четырнадцать вагонов перевозящих полезный груз. Или людей. И третье преимущество – в случае военных действий этот чудо-состав никоим образом не был привязан к существующему железнодорожному полотну и к самим железнодорожным станциям, могу-

щими быть захваченными неприятелем. Аркадий Аркадьевич Бабаев был убит на праздновании шестнадцатых именин своей единственной дочери Розы. Случилось сие февраля 12 дня сего года в его особняке. В тот момент там же присутствовали ещё не менее полусотни приглашённых гостей, ни один из которых не стал однозначно подозреваемым в содеянном преступлении. Проникновения посторонних лиц не обнаружено. Причина смерти – асфиксия, то есть, банальное удушение. Остальные подробности до срока опускаю. Иду далее. Барон Новиков-Лях, Владлен Эммануилович. Меценат, владелец нескольких заводов на Урале, концессионер Русско-Американского общества на Аляске. Это относительно го деловых качеств. Чем же смог привлечь наше с вами внимание? Благодаря его деньгам и личному участию, как отменного инженера, разрабатывался новейший механизм, позволявший практически любому речному судну самостоятельно сниматься с мели. Кроме этого, то же самое судно, благодаря таланту барона, могло передвигаться по мелководным частям рек. Для этого применялись специальные приспособления, уменьшавшие осадку судна. Выгода от подобного новшества очевидна. К сожалению, довести до финала свою задумку Владлен Эммануилович не смог. В августе 21 дня прошлого года барон был убит на праздновании дня рождения своего брата, куда он прибыл по приглашению со всей своей семьёй. Кроме него, там присутствовало ещё 74 гостя. Скажу, предугадывая ваш вывод, который, без сомнения, уже созрел у вас, ни на кого из присутствующих подозрение не пало. Все были на виду друг у друга. Проникновения посторонних лиц, вынужден повториться, не обнаружено. Причина смерти – резаная рана шеи, приведшая к невозполнимой потере крови. Подробности снова опускаю. Далее – апрель, 11 дня сего года. Не обращайтесь внимания на отсутствие хронологии в моём пересказе. Все представляемые мною жертвы располагаются в алфавитном порядке. Итак, апрель сего года – Кошкин Владимир Владимирович, действительный член Берлинской академии прикладных наук, почётный профессор Британского и Мадридского научных сообществ, и прочая, и прочая, и прочая. Изобретатель от Бога, эдакий Кулибин с академическим образованием. Основная его работа за последние три года – создание новых типов самодвижущихся телег, которые могли бы перевозить большие грузы. Или достаточно большое количество людей. Кроме прочего, рассматривался вариант с лебёдочной установкой для самопогрузки, или саморазгрузки. Убит во время банкета, проводившегося после окончания цикла публичных научно-просветительских выступлений, организованной Берлинской академией при поддержке господина Морозова, Саввы, разумеется. Далее в этом списке ещё четыре фамилии, перечисление которых лишь подтверждает правильность нашего предположения об объединении этих убийств в одно цельное дело.

– А как, простите,.... – Поднял вверх указательный палец Кирилла Антонович.

– Ах, да, позабыл. Господин Кошкин был задушен в туалетной комнате. Орудие преступления, предположительно, нечто схожее на рояльную струну. Гостей на банкете насчитывало 44 человека. Подозрение пало на тех же, на кого пало и в первых двух случаях.

– То есть, ни на кого, – скорее говоря лишь самому себе, нежели собеседникам, произнёс Модест Павлович.

– Именно так, Модест Павлович, именно так. Включая отсутствие чьего-либо проникновения извне.

– А вдруг это будет забавным приключением, – снова, не обращая ни к кому, сказал штаб-ротмистр. Именно эта фраза, произнесённая Кириллой Антоновичем, и послужила последним аргументом для принятия окончательного решения – поездки в Москву.

Поднявшись так, как и положено офицеру – стремительно и с прямой спиной, Модест Павлович подошёл к окну и предпринял попытку отдернуть штору.

– Не надобно, этого, – довольно резко произнёс Александр Игнатьевич, даже не повернув головы. – Могу ли я спросить вас, господа? Что общего вы заметили в этих трёх смертоубийствах? И какие побудительные причины вы бы нашли для объединения их в единое производство?

Модест Павлович стоял у окна молча, старясь не трогать наполовину задёрнутую штору. Или же случилось обратное – он, всецело поглощённый какими-то своими размышлениями, даже не видел сей преграды между своими глазами и внутренним двором ресторации. Преграды в виде шторы.

Кирилл же Антонович, живо следивший за рассказом Александра Игнатьевича, с видимым удовольствием откликнулся на приглашение принять участие в обсуждении объединительных моментов вышеупомянутых преступлений. Он откинулся на спинку жёсткого кресла и, соединив кончики пальцев своих ладоней, собрался придать своей фигуре былую самопридуманную значимость. Но... совершенно позабыв, что у него уже отсутствует живот, да и вся его фигура из философско-объёмной превратилась в подтянутую и, почти, стройную, поспешно отказался от вальяжности сидячей позы. Он выпрямился, сев глубже в кресло, закинул ногу за ногу и, неизвестно для чего, взял начищенный до блеска столовый нож для рыбы. Покрутил его в пальцах, пробуя поймать отражение света на его отполированной поверхности. Добившись очевидного результата, помещик положил нож на скатерть и, привычно погладив шрам на правой щеке, сказал.

– Ну... что же. Очевидность схожести перечисленных вами, Александр Игнатьевич, прискорбнейших преступлений не подвергается ни малейшему сомнению. Да-с!

Однако увидев, что господин советник слушает его с совершеннейшим безразличием на лице, поспешил продолжить говорить, дабы заинтересовать надворного советника.

– Ну, так, пожалуй... извольте. Все три, или сколько их у вас, семь? А-а, согласен-согласен, пока говорим о перечисленных. Так вот, уважаемый Александр Игнатьевич, все погибшие господа умерщвлены одним способом – травматическое увечье шеи через удушение.

– Да, но один был заколот, – не оборачиваясь, сказал Модест Павлович.

– Согласен, – сам того не желая, Кирилл Антонович лихо перескочил грань между беседой и увлечённой декламацией с активной жестикуляцией, – однако же – в шею! В ш-е-ю-ю! Не в грудь, а именно в шею! Осмелюсь предположить, что нападавший убивец во всех случаях, соблюдая полнейшую тишину передвигаясь, подходил к жертвам со спины. Сие давало аргумент в пользу неожиданности. А это, как следствие, позволяет застать жертву в состоянии полнейшей расслабленности духа и не сопротивляемости мускульного панциря человеческого тела. Находясь в подобной позиции, – Кирилл Антонович вскочил на ноги и начал подкрадываться к воображаемой жертве, очень похоже изображая преступника. Да уж, философский склад ума позволял ему живо преображаться под любой характерный почерк человеческой природы.

– Именно в позиции со спины и при, повторюсь, неожиданном нападении, легче всего удерживать жертву, не давая ей возможности создавать шум, непременно возникающий при борьбе, и привлекающий внимание посторонних людей.

– Замечательно, Кирилла Антонович, замечательно! Что-нибудь ещё? – Спросил Александр Игнатьевич, совершенно не изменяя равнодушного выражения лица.

– Непременно ещё! Шельма-убивец выбирал момент для своих гнусных деяний очень точно. Именно большое скопление людей позволят ослабить внимание к себе. Достаточно малой толики артистического таланта, дабы увлечь всех гостей, или же часть их в, скажем, в какую-то подвижную забаву. И, исчезнув в какой-то момент из самого действия для совершения смертоубийства, можно быть уверенным в том, что все, принимавшие участие в забаве, в один голос станут вас уверять, что никто не покидал этой забавы. Никто!

– Никто не покидал! Или напротив – оставался всё время на самом виду. Всё время оставался....

– Что, простите?

– Ничего, прошу вас, продолжайте, – прервав собственные размышления, ответил надворный советник.

– Да, собственно говоря, это всё. Далее я могу сделать несколько предположений, основываясь лишь на умозрительных аспектах, заключённых в факте очевидной недоговорённости.

– Кирилла Антонович, о чём вы сейчас говорите?

– Прошу меня простить, я отвлёкся. Из обобщённых сведений могу сделать несколько предположений. Итак. Из трёх убиенных только одна жертва приняла смерть в своём доме. Вывод – сама идея ограбления выглядит абсурдно, поскольку остальные две жертвы не могли иметь при себе в достаточном изобилии драгоценностей, равных по множеству оных, хранящихся в их домах. Если только... если только у трёх жертв не было специальных предметов, представляющих определённую ценность поодиночке.

– Или ценность появлялась после того, как три похищенных предмета совокуплялись в единое целое, – голосом, не лишённым заинтересованности в разгорающейся дискуссии, сказал Модест Павлович. Оказывается, он уж успел оборотиться от окна в сторону обеденного стола и своих собеседников.

– Превосходно, господа! Продолжайте!

– С превеликим удовольствием! Ежели мы имеем предположение о трёх предметах, ставших причиной совершения смертоубийств, то смею утверждать, что эти трое господ состоят в каком-то тайном обществ. Так-так... в обществе. И что тогда? Ага! Это тайное общество и избавилось от них, как от возможных раскольников. Вероятно ли такое?

Туман 2. начало глава 3

Олег Ярков

ГЛАВА 3

– Вполне! Или их лишили жизни, снова рассматривая версию похищения у них каких-либо предметов, например, перстней со специальной гравировкой, ради использования этих перстней иными лицами, желавшими получить доступ в те сферы, в кои были вхожи их обладатели.

– Замечательно, но – нет!

– Что «нет», простите?

– У них не было перстней. У них не было ничего такого, что было бы похищено.

– Ах, так? Ну, что же, досадно.... А вот... как вам такая мысль? У них похитили какие-то бумаги. Или, скажем, письма. Или, к примеру, записи. Посудите сами, ежели это письма, то это повод для вполне вероятного шантажа.

– Но..., – попытался вставить словцо Александр Игнатъевич. Но, не судилось. В сей момент едва ли сыскался бы на всём белом свете хоть один человек, который сподобился остановить полёт мысли и водопад речи Кириллы Антоновича. Хотя, справедливости ради, следовало бы признать, что такой человек всё же существовал. Это сын его кухарки Прошка, существо громогласное, бестолковое и неугомонное. Однако, не о Прошке сейчас речь, а о том, что господину Толмачёву не удалось остановить напор философствующего помещика. А, может, это и к лучшему.

– Погодите с вашим «но»! Убивец добывает письма, чтобы с выгодой провести шантаж какой-нибудь знатной особы. Или же напротив, убивец добывает письма, которыми убиенный, будучи ещё во здравии, сам кого-то шантажировал.

– Трое убиенных – шантажисты? Непременно все трое?

– А почему бы и нет? Все трое могли бы иметь при себе части письма, соединив кои в целое....

– Отлично! Но – нет!

– Да вам, Александр Игнатъевич, не угодить!

– Не обижайтесь, дорогой Кирилла Антонович, я только не хочу пускать ваши блестящие рассуждения по ложному следу. Хотя... здравая мысль уже начала зарождаться.

– Так что же тут не так, Модест Павлович? – Взмолился помещик, обращаясь непосредственно к штаб-ротмистру.

– На мой взгляд, дело здесь в следующем. Господа Бабаев, Новиков-Лях и Кошкин занимались транспортом. Все трое занимались транспортом. Их изыски по улучшению пароходов,

а также по созданию новых паровозов и самоходных телег является, как мне теперь видится, более военными изобретениями, нежели... скажу так – хозяйственными. Следовательно, возможен шпионаж, имеющий целью похищение секретных бумаг или чертежей сих изобретений. Однако дома убит лишь господин Бабаев, где он мог хранить секретные документы. А остальные – вне дома. Нет, не стали бы они носить такие бумаги при себе. Что-то я пропустил....

– Я ушам своим не верю, – тихо-тихо произнёс Александр Игнатьевич.

ПАРОХОД «ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ МАРИЯ ПАВЛОВНА»

Сверив свои изменённые планы с циферблатом карманных часов и, приведя их во временное соответствие, Кирилла Антонович поспешно покинул каюту, и походкой, весьма озабоченной, поднялся на прогулочную палубу. Вода реки, как источник болезненного состояния, уже не беспокоила его в той мере, в какой она терзала его организм с самого утра. А может ещё не прошло действие того замечательного порошка, предложенного Яковом? А может целеустремлённость, с какой двигался помещик в сторону кают-компания, не позволяла более отвлекаться на телесные недуги? Размышления об сём могли быть интересны специалистам в области нарушения душевной тонкости, но только не нам и не в сей волнительный час. Во всяком случае, волнительный для Кириллы Антоновича.

Увидав в кают-компания Якова, что-то писавшего у конторки, помещик кашлем привлёк к себе его внимание.

– Послушайте, Я... – Не произнося до конца имени стюарда, Кирилла Антонович скорее залился румянцем. Теперь уже от ощущения вероятного конфуза – он, помещик, просто не мог, просто не должен был знать имени корабельной прислуги, так опрометчиво срывавшегося с языка. Кирилла Антонович тут же предпринял попытку исправить свою ошибку.

– Я хотел испить чаю. И непременно с лимоном. Не откажи в любезности, милейший, подать мне чай на палубу... хоть, вон к тому креслу.

– А не слишком ли я мягок с прислугой? – Спросил у самого себя помещик. И, на случай всякий, добавил.

– И потрудись поскорее!

Теперь, вроде бы, предыдущая оплошность исправлена, а посему – можно и чайку испить. Хотя и не очень хочется.

Просидев в кресле минут с пять и, снова-таки, не отвлекаясь на мучавшую до недавнего времени лёгкую качку, Кирилла Антонович увидел подходящего к нему Якова.

– Послушайте, Яков, послушайте! Я не мог не прийти к вам и не...

– Спокойно! – Шёпотом прорычал лже-стюард и поставил поднос с чаем на ближайший к креслу столик. – Говорите без волнения и ровно, внятно и кратко. Мы не на прогулке. Что у вас?

Кирилла Антонович действительно кратко, насколько позволяло выпиравшее из него желание поделиться своим наблюдением, изложил Якову итоги своей встречи с немкой.

– Сделайте пару глотков и продолжайте, – так же тихо сказал Яков.

– Оставьте! Не до чаю мне! Вы меня не слушаете?

– Пейте! Вот так! Что дальше?

Запивая добрым краснодарским чаем свои размышления, Кирилла Антонович, словно уступив приказному требованию стюарда и пить, и быть кратким, закончил свою речь, оставив в стакане примерно треть напитка. Это действительно было очень краткое повествование, изречённое помещиком за годы его зрелой жизни.

– Что вы скажете?

– Дайте мне на «чай».

– Что?! Вы... как вы... я же....

– Дайте мне на «чай» немедленно!

– Извольте! Ежели вас только это и беспокоит, то, как видно....

– Вы – богатый пассажир, я – обычный официант, поэтому наши встречи должны так и выглядеть. Привыкайте к этому, это важно. А по поводу сказанного вами... всё это скверно. Я рад, что вы известили меня об этом, одновременно, огорчив. К вашему возвращению я успею кое-что обдумать, и кое-что предпринять. А теперь – запоминайте! От пристани пойдёте по улице, что по левую руку от пожарной каланчи. Там найдёте магазин готового платья Мойши Кройцера. Зайдёте и спросите Мойшу. Когда он выйдет к вам, секретно скажите ему, что ветер тем и хорош, что разносит новости. Не спутаете? Далее сделаете то, что он вам предложит. Затем откланяетесь. Время стоянки в Балаково до пяти часов пополудни, так что погуляйте по городу, осмотрите лавки, купите что-нибудь в память о сём городе. Да, в питейные заведения не ходите, не стоит. За вашу наблюдательность и за своевременный доклад спасибо от имени... сами знаете кого. А теперь – ступайте! Для следующей необходимости закажите у меня рюмку анисовой.

Поклонившись, и забрав поднос с чаем, Яков удалился. Чаевые остались лежать на столе.

– Как у них всё сложно устроено! И чаевые, и секретные слова.... Сколь долго ещё до Балаково? Так... ага, ещё четверть часа, а там – здравствуй, твёрдая земля!

МОСКВА. НЕМНОГИМ РАНЕЕ

– Хотя... раз уж мы предполагаем, то... нет, вряд ли, слишком уж необычно....

– Вы о чём, Модест Павлович, – с какой-то ленью в голосе поинтересовался Александр Игнатьевич. – Продолжайте!

– Понимаете, стратегически....

– Да не волнуйтесь вы так! Говорите спокойно.

– Извольте. Вот вообразите себе такую картину. Вы, Александр Игнатьевич – барон, либо изобретатель, либо паровозных дел мастер... в общем, не важно. Вы соорудили нечто, способное облегчить переброску армейских сил, артиллерии, продуктов, боеприпасов, да чего угодно! Причём, всё это сделаете там, я веду речь о переброске, где от вас этого никто не ждёт – на мелководье вас не ждут, вдали от железнодорожных путей никто не ждёт, на бездорожье тако же вы неожиданный гость. Кирилл Антонович – ваш помощник, ваш коллега по изобретательству, хранитель чертежей... да кто угодно! Однако приближен к вашему изобретению. Я – тот, кто желает получить ваш секрет со всеми подробностями, то есть шпион от противной стороны. Я бы поступил следующим образом – угрозами, лестью либо подкупом денежным довольствием, изловчился бы вас двоих, или же в отдельности каждого, поступиться вашим долгом и присягой, дабы передать мне секретные бумаги вашего изобретения. Поставил бы дело по вашему уговариванию так, чтобы вы не смогли от меня отвертеться простым отмахиванием, словно от надоедливого слепня. Значит, вопрос я бы решил так – либо вы идёте со мной на сговор, либо я лишаю вас жизни. Теперь диспозиция такова. Как очень скрупулёзно заметил Кирилл Антонович, манера убийцы совершать своё деяние одинакова во всех перечисленных вами трагического свойства случаях каков вывод? Шантажируемый персонаж так и не отважился на крайнюю меру – ответное убийство своего вымогателя, ради спасения своего детища. Вывод второй – шантажируемый персонаж не обратился за помощью к полицейским, дабы оные осуществляли его защиту и, что не менее важно, произвели поимку злодея. Почему не обратился – это вопрос со множеством ответов, и на этом я не стану останавливаться. Подобное поведение, граничащее с безрассудством, говорит об одном – кто-то из господ изобретателей был слишком уверен в своей безопасности и в неподкупности своих подчинённых, что не принял на веру угрозы или посулы злодея. Мне думается, что этим человеком был господин Бабаев. Именно его изобретение было самым полезным в военном деле, впрочем, в гражданском обиходе промышленности тоже. Для его скорейшей сговорчивости, именно для острастки господина Бабаева, были одинаковым манером умерщвлены господа Новиков-Лях и Кошкин. Этими смертями я, то есть тот, кто и есть настоящим убийцей, заставили несговорчивого изобретателя согласиться с моими условиями. Не с моими, как вы понимаете, а с условиями шантажиста.

– Просто превосходно, Модест Павлович! – Без иронии, но и без какой-либо лести, сказал господин советник. – Как тонко вы поняли всю сложность интриги, окружающей эти три смерти.

– Да, Модест Павлович, я не перестаю гордиться вами, постоянно нахожусь под впечатлением пытливых сторон вашего мышления и той гибкости, которая так свойственна построению вами отличнейшей теории, одновременно, как уж упоминал – гибкой и, в то же время,

несгибаемой. Однако прошу простить мне мою вольность, и всё сказанное мною сейчас не принимать за критиканство, однако в ваших рассуждениях я увидел существенный просчёт, сводящий на нет всю вашу стройную теорию. Господин Кошкин, с вашего позволения, Был убит позднее господина Бабаева, что никоим образом не могло отразиться на сговорчивости или, простите, на несговорчивости выделенного вами господина изобретателя.

– Я же чувствовал, что пропущена какая-то деталь, я же чувствовал! Благодарю вас, Кирилла Антонович, за внимание к моей речи. Готов признать, что высказанное мною предположение лишено любых оснований быть жизнеспособным. Прошу вас впредь считать мою теорию всего лишь пристрелкой.

– Отнюдь, дорогой Модест Павлович, отнюдь! Именно ваша, как вы удачно выразились, пристрелка, позволила мне увидеть ту настоящую цель, так искусно сокрытую от нашего внимания! Именно благодаря вашей теории я понял то, что связывает эти три, перечисленные смертоубийства. Вряд ли бы я смог....

– Прекрасная речь, Кирилла Антонович! Я думаю, что вы, как никто другой, по достоинству оценили превосходную теорию штаб-ротмистра. Я был бы вам признателен, если бы вы согласились озвучить мысль, на которую натолкнула вас идея Модеста Павловича.

– Да-да-да, именно это я и собирался сказать. Однако, не оценив изысканную теорию, и не поблагодарив....

– Кирилла Антонович, вы именно сегодня собираетесь сказать?

– Простите! Теперь, без проволочек, сразу и в седло!

– Господи, Модест Павлович, – мысленно взмолился польщённый словами друга штаб-ротмистр, – не играйте военными терминами там, где... не играйте, и всё! Просто говорите по делу. Господи, прояви милосердие своё, и помоги ему начать!

Мольба, вознесённая к чертогам Создателя, дошла скоро и была услышана. Однако возымела своё действие лишь после шести длинных предложений.

– Итак – первое. Существовал ли шпионаж, о котором высказывался, в качестве предположения, мой дорогой друг? Второе – имели ли место подкуп, лесть, шантаж и вымогательство? И, наконец, третье – связано ли убийство каждого из вышеупомянутых господ с их изобретательским талантом? Я склонен думать, что ответы таковы – «да», «возможно», и ещё раз «да»! Ответ «возможно» появился благодаря лишь довольно призрачной связи между целью шпионского промысла и смыслом последнего совершённого акта – лишения жизни. Посудите сами, какая сложнейшая интрига была соткана вокруг изобретений! И человек, или же несколько человек, участвовавших в ней, не могут не отдавать себе отчёта в том, что любая сложность изобилует непредсказуемыми недочётами, ошибками и теми досадными случайностями, сводящими к печальному фиаско ранее блестящий план. Взять, к примеру, всем хорошо известную, но печальную судьбу....

– Кирилла Антонович, экскурс в историю можно опустить.

– Простите. Итак – моя версия. Три изобретателя и три изобретения. Могли они заинтересовать наших возможных противников в возможной войне? Однозначно – да! Похищение секретов новых изобретений даёт ли перевес в вооружении нашему возможному противнику? Да. Однако при условии, что на создание механизмов, по этим чертежам, понадобится время, денежные средства, секретность и заранее готовая аргументация, оправдывающая создание новой продукции на основе изобретений, совершённых убиенными изобретателями другой страны. Это длинный и сложный путь, в результате раскрывающий те замыслы, которые изначально составляли шпионскую задачу. Кроме того, это хищение и последующее производство военного снаряжения, или как оно там называется у военных, приведёт и к финансовому противостоянию государств. Вряд ли кто отважится на подобные жертвы. А посему – всё происходило иначе.

Кирилла Антонович покинул своё кресло, и сделал несколько шагов в сторону окна. Однако тут же передумал, и поспешно вернулся к столу. Взяв левой рукой полюбившийся ему нож для рыбы, помещик снова попытался поймать отражение на блестящей стальной поверхности толового прибора. Удовлетворившись содеянным, он продолжил свою речь, но, не стоя, а мерно вышагивая по комнате. Вообще-то всё в его поведении – ходьба, монотонное произношение и кажущееся обращение только лишь к одному достойному собеседнику – столовому ножу для рыбы, более всего походило на чтение какого-то текста. Нет, не совсем на чтение, а на повторение вслух того, что ему кто-то наговаривает. Во всяком случае, такое впечатление создалось у присутствующих. Да, хочу заметить, что ни сия монотонность, ни ход самого повествования не прервалась даже тогда, когда после лёгкого постукивания в дверь, просунул свою рыже-вихрастую голову мальчишка, встретивший друзей в зале ресторации.

– Не желают ли господа ещё чего не то? – Спросил половой, и тут же был отправлен прочь взмахами двух сильных мужеских рук – господина советника и штаб-ротмистра.

Хотя... можно было бы подобного замечания и не делать, поскольку оно никакого значения ни для чего не имело вовсе.

ПАРОХОД «ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ МАРИЯ ПАВЛОВНА». БАЛАКОВО

Балаково, на чью землю ступил Кирилл Антонович, имел не вполне определённый статус на карте Поволжья во времена империи. Административно, и по губернским масштабам, это было уже далеко не поселение, каковым оно было основано с благословения матушки-императрицы Екатерины Второй, многочисленной общиной староверов. Однако и не приобрело городских размеров, городских замашек, городской напыщенности и, по-городскому, суетливой медлительности. Легко узнаваемые черты взаимопроникновения поселения в город и обратно, запросто угадывались на каждой улице, на каждой площади, не говоря уж о рыночной. Справедливости ради следовало бы отметить, что соседство этих двух черт оседлого проживания балаковцев патриархально-поселенческого и современно-городского, мило уживалось бок о бок, не претендуя на чью бы то ни было первостепенность. На рыночной площади, рядом с деревянными лотками, на которых торговали свежей рыбой, овощами, скобяным товаром и мануфактурой, стоял добротный, по откровенно городским меркам, построенный из камня магазин основателя компании «Вкусъ» Гавриила Елисеева. Сразу же за пеньковыми рядами, и лотками смолочников стоял меховой магазин Василия Муравьёва. А продуктовые ларьки братьев Собакиных, торговавших колониальным товаром и ароматнейшей табакой сортов «Шик», «Роскошь» и «Векъ», могли по своему числу соперничать лишь с ларьками Игнатия Чаплина, торговавшего тем же товаром в рамках доброй конкуренции.

Тут же, в паре шагов от рынка, рядом с иконописной мастерской, можно было купить свежайшую рыбью икру по смехотворной цене за фунт. Немного поодаль, сразу за домом почтмейстера, сверкала вымытыми окнами цирюльня, странно названная «Модные причёски и бороды. Мастера из столицы».

На первый взгляд казалось, что жители Балаково совершенно не озадачивались собственным административным статусом, предпочитая простую жизнь на берегу полноводной Волги-матушки.

Этот вывод родился в голове у наблюдательного Кириллы Антоновича, свернувшего налево у пожарной каланчи, и двигавшегося в сторону магазина неизвестного ему Мойши... как его фамилия-то? А-а, Кройцер.

Помещику положительно понравился... или понравилось это Балаково, особенно его мостовые, но которых никак не ощущалось паровой качки. На этой приятной мысли Кирилл Антонович увидел искомую вывеску «М. Кройцеръ. Готовое платье» над искомой дверью искомого магазина.

Оказавшись внутри, помещик обратился к единственному человеку, стоящему подле рядов манекенов, тюков с тканями и катушек с нитями. Это человек был стар, причём настолько, что угадать количество прожитых лет не было никакой возможности. Он был просто старым и всё. Нет, не всё. В момент вступления Кириллы Антоновича в сей мир готового платья, вышеупомянутый старик ковырялся чем-то в ухе. И кряхтел от удовольствия.

– Желаю здравствовать, уважаемый! Не подскажете ли мне, где я могу увидеть господина Кройцера?

– Ойц! Если на небе есть Бог, то он сегодня намерен шутить! Приезжий говорит мне «уважаемый», и не зовёт Мойшей за уважение на мой возраст! Ви мне так нравиться, что готов сделать вас своим зятем, но у мне нет детей. Моя Руфа может делать что угодно, кроме детей. Это, доложу я вам, таки прискорбно для моего возраста, но не так разорительно для кошелька. Вам нужен новый костюм для пароход? И не спрашивайте, откуда я знаю, что вы приехали на... сегодня среда? Таки ви приехали на Великой... Павловне.

– Я и не собирался....

– Вот и не собирайтесь! Что надо – я скажу сам. У вас тот самый размер, что есть у меня. Я могу один раз смотреть на вас и знать все размеры, которые ви имели с гимназии. А вот с обувью не помогу, не изготавливаю. Но ви не поверите, если я скажу, что знаю того, кто не дорого шьёт. Таки можете поверить, я его знаю. Предлагаю цвет на морская волна. Да, цвет хороший... немного светлее и в полоску. Ви пришли покупать?

– Нет, не совсем. Видите ли, мне надобно сказать вам, что ветер тем и хорош, что переносит новости.

– Таки ойц! Ой, мне! Что за манеры у молодёжи?! Зачем морочить голову пожилому человеку? Ви не мог сказать это тогда, когда я вынул из уха спичку? Зачем вам был нужен этот костюм? Хотя цвет в полоску просто шикарный! Федул! Федул! Он бы так резво за жалованием бегал, Федул!

– Я тут.

– Сам вижу. Одна нога тут, вторая на пароходе «Государыня». Найдёшь нужный офицер и скажешь... ничего не говори! Я записку передам. Винеси тот костюм, который без полоски и почти белый, только светлее. Повесь его в мерочной. А ви, мой дорогой, подождите меня в это кресло. Я не буду долго уходить.

Говорливость Мойши Кройцера не знала себе равных. За две минуты, которые Кирилл Антонович провёл в магазине, хозяин успел посвятить покупателя во все стороны своей еврейской жизни – от личной, до профессиональной. Не ясно было одно, по какой нужде помещик тут оказался.

– Где этот разбойник? Федул!

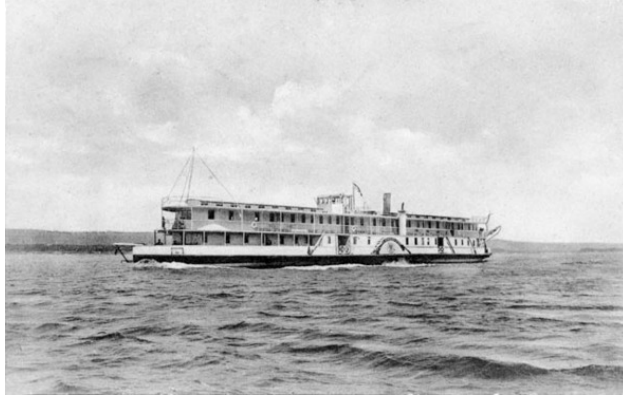
– Я тут.

– Сам вижу. Ступай быстро и так же обратно сюда. Передашь, и обратно. На рынок не ходи! Ступай!

Когда дверь за пареньком захлопнулась, Мойша Кройцер, взяв за локоть Кириллу Антоновича, повёл в примерочную комнату.

– Если ви хотите, то вам надо надеть этот костюм. Я уступаю его вам. Хотя бы потому, что ви не сеялись над моей фамилией. Кройцер! И что? Что в ней смешного? Скажите, что смешного в фамилии Кройцер? Нет, этот цвет вам к лицу, ви уже моложе, чем до прихода ко мне.

А если я спрошу – не смешная ли фамилия Козлов для еврейского уха? Теперь делайте внимание к моим словам. Идите в этот костюм, а ваш принесёт Федул на пароход. Берите на голову эту изуродованную ермолку, которую, почему-то, называют «канотье». Над этим словом тоже можно посмеяться. Когда придёте на пароход, покажите это канотье тому, кто вас прислал. Пусть и ён посмеётся, если сможет. Теперь идите гулять. Идите-идите, я занят и у меня много дел. Если вы уверены, что у вас есть Бог, то пусть он приглядит за вами. Прощайте!

Туман 2. начало глава 4

Олег Ярков

МОСКВА. НЕМНОГИМ РАНЕЕ.

– Глубина замысла, притаившегося за кажущейся обыденностью совершённых человекоубийственных деяний, поражает воображение. Однако же, сему поразительному воздействию оказались подвержены мы, так сказать, сугубо гражданские обыватели. По своему образу бытия, мы оказались далеки от мерзостных премудростей политических игр, сдобренных, не менее мерзким гуано, простите великодушно за сие словцо, порождённого шпионами, подвизающимися на вынюхивании тайн соседних государств. Но, при попытке оказаться на посту человека, перед чьим лицом и протекает сия дурнопахнущая государственная интрига, многое становится, пусть и не объяснённым, но понятным. Что я и пытался произвести – поменяться местами с господином советником. Надеюсь, вы понимаете, что подмена между нами есть невозможностью фактической, а лишь воображительным действием. Что я осмелюсь предположить, находясь на месте Александра Игнатьевича? С уверенностью – только одно. Этих троих господ лишили жизни исключительно с единственной целью – лишить государство Российское самого изобретения. Нет изобретателя – нет и его детища! Согласитесь, господа, что у почивших Бабаева, Новикова-Ляха и Кошкина были не только почитатели и, что вполне вероятно, довольно высокие покровители, но и злопыхатели явные, и недоброжелатели тайные из тех же сфер, откуда и благоволившие к изобретателям. Памятуя об этом, и были совершены эти злодеяния. Гибель изобретателей, могущих добавить сил всему государству, заставит неповоротливых чиновников остановить все работы над их детищами надолго. Или навсегда. Мой респонс таков – проще лишить преимущества врага, нежели красть его оружие и самому его использовать супротив того, у кого оно и было похищено.

– Дорогой Кирилл Антонович, я попытаюсь кратко высказать основную мысль, которую я вынес из вашей речи. Убивают изобретателей для того, чтобы они не смогли довести до финала своё изобретение. Я верно понял? Дело вовсе не в хищении, а... простите за фривольность – не доставайся же ты никому?

– Именно, Александр Игнатьевич, и-мен-но! А разве....

Тут, с некоторым запозданием, помещик ощутил укол в самую сердцевину своего многоуважаемого самолюбия. Как это, позвольте поинтересоваться, короче высказать? Разве эти, так старательно выверенные предложения, не донесли до слушателей ту основную мысль, на которую возлагал надежды Кирилл Антонович? Им хотелось краткости изложения? А как же несгибаемая аргументированность? А как же можно без мотивирования поступков выносить суждение о сути преступных замыслов? Это что же, его речь попросту терпели? Ну, знаете ли....

– У меня создалось впечатление, что вы расстроены моими последними словами. Я прав?

– Возможно, вам и претит моё, так сказать, провинциальное многословие, но я всего лишь попытался дать ответ на ваш, же, вопрос. И, коли вам не угодно,....

– Полно, Кирилл Антонович, полно! Мы с вами не поняли один другого – и всё! Не более того. Я с превеликой охотой дам вам объяснение своим словам. Видите ли, уважаемый Кирилл Антонович, жизнь в конце нашего столетия, да ещё и в столичных городах, не просто проте-

кает быстрее, она понеслась с невиданной спешкой. Всё вокруг нас происходит намного быстрее – если знакомства, или по выгоде, или совсем шапочные, без уважительного отношения к своему визави, дома строятся быстрее, чем вырастают грибы после дождя. Браки, прежде освящавшиеся небесами, становятся более условными и более кратковременными. Судебные разбирательства становятся всё короче, а истцы ожидают рассмотрения своих челобитных в порядке живой очереди. Молодые люди вступают во взрослую жизнь морально неразборчивыми, а речь наша, становится всё более лаконичной. Хотят слухи, будто бы упраздняют буквы «ерь» и «еры». Хорошо это, либо худо? Не знаю, судить не берусь, однако то умение, или... нет, определённо не «или», а именно дар! Дар изысканной словесности и взвешенно продуманной риторики, коим вы обладаете, милейший Кирилла Антонович, в наших столичных городах, и среди окружающих меня людей, утерян. К своему сожалению, обязан констатировать, утерян навсегда. Вы же позволили себе подумать, что я неучтиво сократил вашу прекрасную речь до единого скудного предложения. Напротив, уверяю вас! Моё высказывание продиктовано условностями, в которых мне выпало находиться и работать. Вы имеете право не верить моим словам, но я получил огромное наслаждение, слушая вас, а не тех скомкано-немногословных господ, приходящих ко мне ежедневно с докладом. Как человек, преклоняюсь перед вашим умением так изящно изъясняться, так скоро находить потаённые мотивы истинной подоплёки события, основываясь на неполной информации. Я наслаждаюсь вашим талантом бережного обращения со смыслом используемых слов, не теряя, притом, нити рассуждения, не позволяя появляться недосказанности и двусмыслия, постоянно держа слушателя в состоянии предельного внимания. Однако, к сожалению, как чиновник, и как столичный обыватель я, видимо, усугублённый приобретённой привычкой, повёл себя так, как и надлежит чиновнику и обывателю, за что и приношу вам свои извинения. Довольно ли для вас моего объяснения?

Ну, что же, вот и получил Кирилла Антонович первый в своей жизни урок политики, вещи столь же тонкой, сколь и Богопротивной. Только искушённой в ней человек смог доказательно внушить своему собеседнику, что он, по сути, являясь провинциальным говоруном, на словах оказался едва ли не последним из хранителей тончайшего искусства политеса. И, в общем-то, как итог, оба господина остались довольны собой – Александр Игнатьевич вернул себе расположение помещика, Кирилла Антонович ещё раз убедился в добропорядочности и в высоконравственной составляющей характера надворного советника. Александр Игнатьевич приобрёл себе ценного помощника и, как оказалось, весьма умного аналитика, а Кирилла Антонович обогатился равным себе по философскому внутриустройству, почти друга, пусть даже и чиновничьего ранга, перед которым, как перед истинным ценителем, не грех было и показать, какой остроты рассудительность воспитал в себе помещик. Вот что делает с людьми политическая игра, которая в простонародье прозвана Лестию Змием Порождённой.

И как можно было понять из последних слов советника, сим оружием он пользовался искусно. Одно обеляет господина Толмачёва – пользовался он своим искусством токмо в государственных интересах. А те несколько случаев, когда своё отточенное мастерство он пускал ради собственной пользы, мы упоминать не станем.

Ничего не ответил Кирилла Антонович на слова надворного советника, а только отвесил галантный полупоклон, слегка отведя левую руку в сторону.

А вот Модест Павлович углядел во всём этом иной подвох. Ему, храброму военному человеку, даже почудился звук взводимого пистолетного курка, настолько необъяснимо-драматическим представилось их нахождение в деле, в котором они согласились принять участие. А звук взводимого курка был лишь мнимым предупреждением, хоть и тревожным.

– А надо почаще вспоминать, – сказал сам себе штаб-ротмистр, – о том, что всё это может стать для нас всего лишь приключением. Всего лишь...

ПАРОХОД «ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ МАРИЯ ПАВЛОВНА»

Кирилла Антонович тронулся в обратный путь. Имея в голове правильность расположения пристани, по курсу к его собственному месторасположению, помещик придумал чуток изменить сам маршрут, дабы пополюне разглядеть сие Балаково. Но, на самом деле, он попросту старался продлить своё пребывание на суше, пусть, даже, за счёт удлинившейся прогулки.

Не центральное, а окраинное Балаково, вовсе не походило на рыночную часть и припристанную площадь с тремя широкими улицами, расходящимися веером. Те улочки, которые протискивали сквозь себя помещика, оказались неубранными, замусоренными и, по мнению Кириллы Антоновича, лишёнными разумности. Именно такое определение присвоил им тамбовский помещик, наблюдая за копошащимися в пыли детьми, за перешагивающими через них не трезвыми мужиками и разновеликими бабами, опиравшихся на покосившиеся, и оттого шатающиеся, заборы.

Вид этой изнаночной стороны Балаково внёс некую изменённость в доброе настроение помещика, основанное на выполнении задания по переодеванию. Задания, кажущегося простым и, немного, пустым, однако наполненным исполнительской ответственности и поэтапным передвижением к усложнению и опасности.

С такими мыслями Кирилла Антонович решил сократить дорогу до пристани и, дабы не расстраивать себя и далее видом нищеты и никчемности, свернул в ближайший переулок, ведущий к сытой и ухоженной базарной площади.

Более ничего интересного в Балаково не случилось. Интересного для Кириллы Антоновича. Но были две мимолётные встречи, вряд ли имевшие место в нашем повествовании, однако были они сколь мимолётны, столь и символичны. Не испросив позволения на то, у читателя, всё же позволю себе доложить о них.

Дойдя до самого конца проулка, помещик оказался у трактирного заведения средней руки, под названием «Волга Матушка».

У крыльца на три ступени, сплошь усеянного папиросными гильзами, недокуренными самокрутками, рыбьими хвостами и комями грязи, сбитыми с сапог посетителей, стоял мальчик – половой, на вид не более 10—11 лет. Он опирался на метлу и с тоской глядел на деревянный настил крыльца, который ему предстояло убирать.

Что в этом половом было такого, что помещик даже замедлил свою поступь, притом неотрывно глядя на мальчика? Усталость, вот что увидел Кирилла Антонович, усталость вкупе с голодным недосыпанием и стояла, опёршись на метлу. И лишь сквозь неё проглядывал мальчик.

– Васька, обалдуй! Ты прибрался на крыльце? – Словно порыв ветра вылетел грубый крик из двери трактира. – Посуда не мыта, столы, опять же... паршивец! Пошевеливайся там, да ступай к стойке!

Со вздохом Васька сменил позу, и принялся мести крыльцо.

– Мальчик, – совершенно неожиданно для самого себя сказал помещик, – подойди-ка.

Подошедшему половому Кирилла Антонович протянул горсть монет, перекочевавших из переодетого костюма в новый. Тех монет насобиралось не менее аж двух целковых, ежели не более.

– Возьми, мальчик, покушай сам, да снеси еды домой. Мать есть у тебя?

– Благодарствуйте, барин.

– Эй-эй, господин хороший! Вы мне тут мальчика не балуйте! Ступайте своей дорогой, не замайте!

Это выговорил вышедший на крыльцо рыжий верзила в синей косоворотке.

– А ты, бестия, возвращайся к работе!

Мальчик поднялся на крыльцо, держа в зажатой ладошке свалившееся на него богатство.

Верзила, оказавшийся сыном трактирщика, быстрехонько отнял деньги у полового и, отвесив ему затрещину, утонул в недрах питейного заведения.

Кирилла Антонович собрался и сам зайти в этот Содомский вертеп, дабы проучить обидчика и вернуть деньги половому. Но не посмел послушаться наставлений, данных Яковом – «в питейные заведения не ходить!». И не пошёл.

Так что же было такого в этих встречах с двумя людьми, и что нас заставило прервать повествование?

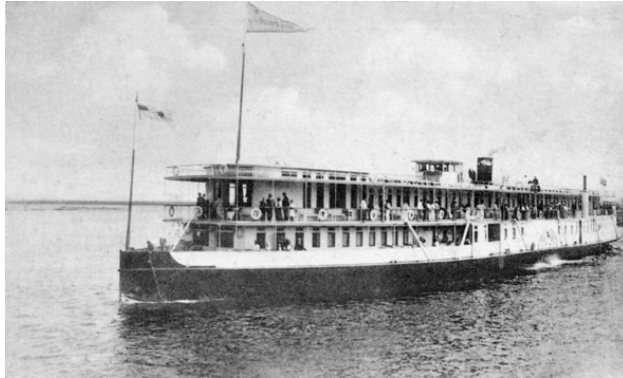
А вот что. Половой Васька, когда уж подрос, не пропал вовсе на питейных задворках маленьких Волжских городов, а стал известнейшим и знаменитейшим человеком, которого впредь все станут величать только по имени-отчеству – Василий Иванович. Правда, его фамилию один писака переименовал, сменив прежнюю, доставшуюся от отца – Чапаев, на легче произносимую, и более лёгкую для слуха – Чапаев. Так-то, вот. А, едва не позабыл! Более эти два человека не встречались и, вероятнее всего, никогда об этой встрече и не поминали.

Но с верзилой в синей косоворотке Кириллу Антоновичу встретиться довелось. И где бы вы думали? В допросной ГубЧК, куда помещик (к тому времени уже не помещик) был отконвоирован для допроса. Допрос вёл матерый чекист и пламенный революционер Первушин Петр Арсеньевич, тот самый верзила с пролетарским прошлым.

Вспомнив об этих встречах около трактира, невольно я задался вопросом – а что могло бы стать в судьбах этих трёх людей, зайдя Кирилла Антонович внутрь питейного заведения, чтобы восстановить справедливость? Интересно бы узнать!

Чудные, всё же, картинки того, что могло бы быть в дальнейшем, рисует воображение. А, ежели, напротив, вдруг помещик пропустил ту главную встречу в жизни, которая помогла бы

каждому из этой троицы? Или же он верно поступил, не послушавшись Якова? А вдруг.... А вдруг и мы сами проходим мимо важных встреч, не задумываясь о последствиях? Нет, сколь не суди, и как не ряди, а неизвестное останется неизвестным.... Вот, поди, ж ты, а? Совсем запамятовал, для какой нужды я вспомнил об этой «околотрактирной» встрече? Нет, надобно, более, ни на что не отвлекаться! А вы, меня, одёргивайте, дабы не рушил линию рассказа. Всё, продолжаю!

Туман 2. начало глава 5

Олег Ярков **МОСКВА. НЕМНОГИМ РАНЕЕ**

А теперь, господа, я изложу ту, вторую и недоговорённую часть замысла, ради исполнения которого вы согласились прибыть сюда. Прошу вас, Модест Павлович, присесть к столу, мне так будет удобнее говорить.

Когда была совершена рокировка, а именно – штаб-ротмистр от окна к столу, а надворный советник произвёл обратный вояж от стола к окну, в кабинете подали признаки жизни немного тревожная тишина. Но через минуту Александр Игнатьевич полностью лишил её надежды на существование, начав говорить голосом, в котором более не было тех дружественных интонаций, звучавших в начале их беседы.

– Считаю своим долгом признать, господа, что я не хотел бы иметь вас двоих в числе своих... едва не сказал врагов. В числе своих противников. Вы опасные люди. Можете счесть это комплиментом. Вы сумели понять то, что я сказал в нескольких предложениях, лишив меня, тем самым, необходимости подробно излагать вам детали. Надеюсь, что и дальше мы будем понимать друг друга. Итак. Как вы уже поняли, убиенные господа Бабаев, Новиков-Лях и Кошкин были весьма ценными людьми для государства. Ценными, во всех смыслах этого слова. Как вы поняли, а в этом я не сомневаюсь, совершивший сии убийства не найден.

– Или совершившие.

– Простите?

Модест Павлович коротко взглянул на сосредоточенное лицо Кириллы Антоновича и попробовал объяснить свои слова.

– А кто может быть уверен в том, что это был один человек? Это сочли более достоверной мыслью, лишь основываясь на том, что убийства производились через удушение? Я бы позволил себе рассудить иначе – в преступлении, даже при моей полной неосведомлённости в сыском деле есть две составляющие. Первая – достижение целей любым путём. И не важно, каково преступление по сути – хищение, лжесвидетельство либо смертоубийство. Вторая составляющая – остаться не в подозрении тому человеку, кто и совершил сие действие. В противном случае, преступление может смело именоваться актом благородного возмездия. Почему же нескольким лицам не совершать смертоубийства единым образом, чтобы заставить думать сыскаю люд, что преступник, суть, един. Это простой обманый след, по которому может направиться сыское разбирательство.

– Я не хочу иметь вас своими противниками. И врагами тоже. Ещё несть замечания?

– У меня, – снова бросив взгляд на Кириллу Антоновича, проговорил Модест Павлович, – нет. Пока....

– Я продолжу. Кстати, благодарю вас за внимание. Ваше замечание для меня очень ценно. Итак – не найден. У меня, и у моих коллег, в этом деле, буквально, связаны руки. Я представлю вам отчёт о приглашённых гостях, находящихся там, где были совершены убийства.

Едва вы взглянете на чины и титулы сих господ, вы поймёте причину, не позволяющую надеяться на скорое раскрытие преступлений. Все наши действия, как одобренные, так и тайные, привели мизерному результату, о котором я доложу вам позже, но с которым я не смею отправиться на доклад к... не смею, одним словом.

Александр Игнатьевич повернулся к окну и поскрёб ногтем по стеклу. Не дав тишине возможности насладиться неожиданно возникшей свободой, надворный советник снова обратился к своим гостям, имея на лице то самое выражение полного безразличия.

– Преступления не поддавались раскрытию, как ни прискорбно это осознавать. Но, вместе с тем, мы с тревогой ожидали нового преступного убийства, такого же дерзкого, как и предыдущие. И, такого же, неожиданного. Снова учёный? Изобретатель? Меценат? Политик? Член царской семьи? Кто? Предоставить всем охрану, при всём нашем старании, мы не можем. И ожидать нового известия о трагедии мы не собирались. Тогда же у нас и родилась одна идея, сколь дерзкая, столь и рискованная. Мы придумали создать новое, не существующее изобретение. Современное, грандиозное по замыслу, и такое же невыполнимое на деле. Широкой огласки, оно, по понятным причинам, не получило. Через случайную, в кавычках, болтливость нескольких чиновников, эту новость мы донесли до тех людей, которых считали хоть как-то причастными к нашему расследованию, хоть и не на прямую.

– Мне будет позволено спросить? А что это за изобретение?

Кирилла Антонович, ставший постоянным читателем разнообразных естествоиспытательских журналов, издававшихся не только в столичных издательствах, но и за границей, счёл возможным проверить свои познания на предмет того, насколько могло оказаться невероятным и невыполнимым это несуществующее изобретение.

– Спрашивайте, господа, о чём угодно! Теперь это наше общее дело, и сие изобретение, с позволения сказать, также наше общее. Речь идёт о канале, соединяющем Волгу и Дон.

– А что тут... простите, я не вижу очевидной невероятности.

– Она существует. Этот канал, которого нет, должен быть оснащён специальными ящиками из металла, в которые будут входить суда. Вам, безусловно, известно, что эти реки находятся на разном уровне относительно друг друга, верно?

В подтверждение своим словам надворный советник расположил свои руки одну над другой, наглядно демонстрируя две великие Российские реки.

– Специальные многосильные насосы станут способом нагнетания воды поднимать эти металлические ящики, либо, откачивая оную, опускать. Эта система позволит удешевить строительство и... одним словом, научная сторона этого изобретения вам в подробностях не пригодится. Кстати, этот способ подъёма и опускания судов, мы назвали шлюз.

– Это превосходное изобретение! Ведь только представить, сколько пользы это может принести государству! Сокращается время сплавления по рекам, возможно будет...

– Транспортировать всё, что угодно в случае войны.

– Именно так, именно так! Вы оба правы. Могу только добавить, что благодаря использованию этого канала и шлюзов, появится возможность иметь один военный путь от любого Волжского города и до Мурманска. Либо Архангельска.

– Право слово, замечательное изобретение! А почему бы его не воплотить в жизнь?

– Есть, Кирилла Антонович, несколько причин. И поверьте, каждая из них, весомее предыдущей. Поэтому, оставляем прожектёрство в стороне и переходим к нашему делу. Вы, Модест Павлович, и есть тем изобретателем, который получил высочайшее одобрение на строительство канала и шлюзов. Не удивляйтесь ничему, не удивляйтесь ничему из сказанного мною, а крепко запоминайте! Наша встреча будет единственной в своём роде, поэтому возможности для повторения у нас не будет. Итак, вы – генерал. Участвовали в нескольких компаниях, лично были в боевых условиях. Ваше умение, используя любой природный ландшафт возводить фортификационные сооружения, приводящие наши войска к победному исходу, дошли до государя. За ваш военный талант вам и были пожалованы генеральские погоны и должность в генштабе в отделении тактического строительства. На службе в этом отделении вам и пришла в голову идея строительства Волго-Донского канала. Там же, в голове, вы и содержите всё – от замысла и до чертежей. И только в голове находится место диспозиции канала. Чтобы придать правдоподобности нашей затее, вам будут даны в помощь гражданские инженеры. Управляющим строительством назначен некто Леон Арго. Это его идея строить шлюзы. В строительстве он не знает себе равных, с основными документами, естественно не секретными, он ознакомлен. Поэтому, в случае возникновения с кем-либо бесед на специальные технические темы, передавайте ему первенство в разговоре. Подобное распоряжение на сей счёт он получил. Ему же поручено пригласить на это строительство видного французского инженера, имеющего новые взгляды на строительство мостов и опор. Это Александр Густав Эйфель, урождённый Боникгаузен. Эта фигура известна во Франции. Сейчас он заканчивает проектирование своего собственного детища – высотной башни ажурного вида. Говорит, то она может стать символом если не Франции, то Парижа наверняка. Вы бывали в Париже?

– Нет, к сожалению.

– Это замечательно, что вы внимательно слушаете. Я продолжу. Вы, с высочайшего одобрения, нанимаете этих господ на производство лишь определённой работы, понимаете? Каждый выполняет только порученную ему часть, в то время как понимание всего прожекта в деталях, находится, повторяюсь, только в вашей голове. Манеру поведения на публике выбирайте сами. Будете ли вы общительны, будете ли вы замкнуты – решайте сами. Однако вот, что вам надлежит запомнить – ежели вас кто-то спросит об иных инженерах, которых вы не пригласили в сей прожект, либо спросит о штабных чиновниках, имеющих возможный интерес к каналу, отвечайте следующим образом. Фамилии тех господ, которыми могут интересоваться, начинающиеся от литеры «А», в алфавитном порядке, до литеры «Н», пусть вызывают у вас не очень добрую реакцию. Следующие после этой литеры, вызывают у вас, если не уважение, то благосклонность. Далее. Вы – вдовец. Скоро, почитай, год, как у вас произошло это прискорбное событие. Поэтому, со всеми дамами вы предельно вежливы, и только. Любой намёк на амурное продолжение знакомства исключён. Можете выпивать... да, можете. Употребляйте столько, сколько вам заблагорассудится, однако держите в памяти две вещи. Первая – после третьего бокала вы непременно становитесь молчаливым и, почти, угрюмым. Второе – выпивать вам можно лишь то, что подаст официант по имени Яков. Это касается всего – чаю, сельтерской воды либо винца любой крепости. Далее. В вашу каюту...

– Куда, простите?

– Разве я не доложил вам? Подводит память, подводит. Вы отправляетесь по Волге-матушке на новёхоньком пароходе «ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ МАРИЯ ПАВЛОВНА», построенном на Бельгийской верфи. Пароход принадлежит Волжскому товариществу «Самолёт», с которым мы поддерживаем теснейшую связь.

– Пойдите-ка, уж не та ли это компания, чей пароход, эдакий двухпалубный красавец, построенный по американскому типу, сгорел у Камышенского плёса?

– А вы недурно осведомлены, Кирилла Антонович.

– Благодарю! На том пароходе, ежели я верно припоминаю, сгорело около 200 душ пассажиров, представляете? Какое горе для семей, в коих был погибший, и для самого товарищества удар по репутации. Сие прискорбное известие облетело тогда ....

– Кирилла Антонович, я поражён кругом ваших интересов, и такой отточенностью вашей памяти, однако, позвольте мне продолжить?

– Прос... простите ваше высокоблагородие, – помещик прикрыл ладошкой рот и сотворил испуганные глаза.

– Оставим чины, мы тут беседуем по-свойски. Так вот, вы отправляетесь по Волге из Балаково. Это большое село с большим будущим. Вы взойдёте на палубу «ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ» вкуче с господами Арго и Эйфелем. Об иных ваших попутчиках, должных присоединиться к вам на пароходе, узнаете от того же Якова.

– Из рук коего мне разрешено пить.

– И кушать тоже. Кроме всего прочего, примите себе за привычку неожиданно и при посторонних резко обрывать себя, принимаясь, сей же час, что-то записывать на бумаге вечным пером. Записывайте то, что хотите, попеременно начертывайте буквы и цифры, слова и... всё, повторюсь, что изволите. Чем более ваше письмо будет походить на абракадабру, тем более оно станет походить на шифр. Подыгрывайте сами себе. Короля, как известно, играет свита, а такого крупного специалиста, коего надлежит исполнить, вам надо преподнести зрителю лично. Это, пожалуй, и все наставления. Остальное, не такое значительное, узнаете в Балаково. Теперь же, я отвечу на вопрос, который так явно читается в глазах вашего товарища. Безопасность. Я прав?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.